

The image shows a top-down view of a highly complex electronic circuit board, likely a specialized computer or scientific instrument. The board is populated with numerous integrated circuits, capacitors, and other electronic components. A large, circular, metallic component with a yellowish-gold center is the focal point in the upper half. Below it, another circular component with a reddish-brown center is visible. The board is densely packed with components and is surrounded by a network of colorful wires (yellow, red, green, blue) that are bundled and routed across the surface. The overall aesthetic is technical and intricate.

ТРИГГЕРЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Вадим Степанов

18+

Вадим Степанов

Триггеры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44493227

SelfPub; 2023

Аннотация

Задача сотрудников триггерской службы – с помощью спецоборудования и новейших технологий предвосхитить ЧП и... нет, не предотвратить его, а взять под контроль и минимизировать последствия. В результате цепочки необъяснимых происшествий и загадочных убийств триггер Кирилл Соболев понимает, что стал пешкой в чужой, очень крупной игре. Теперь Кириллу, постоянно имеющему дело с разрушениями, придётся побороться за то, чтоб не была разрушена его собственная жизнь и на практике доказать – или опровергнуть – главный триггерский принцип: “То, что должно произойти, обязательно произойдёт”.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	7
Глава 2	23
Глава 3	48
Глава 4	62
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Вадим Степанов

Триггеры

Предисловие

– Котятки! Красивые, хорошие котятки. Сто рублей! – разносился над рынком зычный голос хрупкой старушки.

– Мам, смотри, какие красивые, – остановилась возле коробки маленькая девочка. – Давай одного купим.

– Сонечка, но это ведь не игрушка. Тем более мы пришли за хомячком.

– Я знаю, – стала канючить девочка, знающая, что такой приём обязательно должен сработать. – Но я всегда так хотела котёнка. Ну, мамочка, ну пожалуйста. Я тебя так люблю! Ну давай возьмём вот этого рыженького.

Мама не могла, да и не очень хотела сопротивляться. Ей и самой давно хотелось пушистика домой. Собственно, она и надеялась, что так получится, когда привела дочь на рынок. Теперь у неё есть железный повод принести домой это чудо. И муж, который в дочери души не чаёт и делает всё, что она ни попросит, ничего против не скажет. Это была почти победа.

– Рыжий – триста, – тут же задрала цену смекалистая старушка.

– Петровна, у тебя датчики новые поставили? – спросила проходящая мимо торговки женщина в платке.

– Откуда. Мне никто не говорил, – ответила продавщица котят.

– Сказали: всем обязательно надо менять. Безопасность же.

– Вот ты в своей квартире и меняй, – отмахнулась Петровна. – У меня частный дом, ко мне триггеры неделю будут ехать, если что случится. Иди с богом, не мешай продавать.

– Мам? – Жалобный взгляд из-под густой чёлки решил дело.

– Ну и ладно, – сдалась мама и взяла на руки «рыжика».

– Ты куда, Петровна? – засуетились товарки. – А блохастиков своих кому оставила?

– Да заберёт кто-нибудь, – отмахнулась старушка. – Мне Машка каждые полгода таких же приносит.

– И чего? – возмутилась женщина, что торговала рядом кроликами. – Они теперь тут голодные орать будут? Нет уж, откуда взяла – туда и неси. Или дальше продавай.

– Некогда мне, – отмахнулась Петровна, живо собираясь. – Мне ещё скотину кормить. Деду кашу сварить надо. Внуки обещались приехать. Триста заработала, как хотела, и замечательно. Пойду карпа куплю. Если хотите, сами продавайте. Дарю.

– Ещё чего, – возмутилась женщина с кроликами. – Никто твоих блохастиков не купит. Повезло, что хоть одного взя-

ли. Так и тот был самый симпатичный. А этих чумазых ни в жисть не возьмут.

– Это да, – согласилась Петровна, – Ладно, заберу, не скандальте.

Старушка взяла коробку с оставшимися котятами.

– Неужто домой понесла? – удивилась дотошная товарка.

– Щас! Домой. – Старушка посмотрела в коробку, а затем накрыла её платком. – Кормить чем я их буду? Полкану отдам, от него хоть польза есть – дом охраняет.

– Живых? – ахнула крольчатница.

– Придушу.

Старушка зло плюнула на землю и медленно, переваливаясь, пошла в сторону дома. Под платком, в коробке, вяло шевелились сонные котята.

Глава 1

Завтра кто-то, вернувшись домой, застанет в руинах свой город...

В. Цой

Самое сложное во всей этой операции было рассчитать заряд. Соболев уже давно научился на глаз определять нужное количество материала, но всегда боялся переборщить или, наоборот, использовать слишком много взрывчатки. Здесь он решил пользоваться методом сноса домов – небольшое количество шашек, установленное в нескольких местах. По большому счёту, каждый такой заряд был не страшнее мощной петарды, но их совокупность давала нужный эффект.

Соболев запустил таймер на десять минут, одновременно выставил время отсчёта и на своих часах, прибавив к времени взрыва две секунды.

– Ты что здесь делаешь? – прикрикнул Соболев на стажёрку, возвращаясь в помещение бассейна. – Первый этап давно уже кончился, а ты тут ещё. Инструкция для дяди писана?

– Не душни, я звук слышала, – с серьёзным видом сказала девушка.

– Звук? Этот звук я только что издавал, вот этой красоткой, – показал Соболев на кувалду, которой выламывал две-

при пристроенного к фитнес-центру кафе.

– Нет, другой, оттуда. – Стажёрка Оксана показала в сторону детских горок.

– Юр? – Соболев вопросительно посмотрел на специалиста.

– Я ничего не слышал, – пожал тот плечами.

– Он по телефону трындел, – настаивала Оксана, – а я слышала. Шорох... Как будто кто-то по трубе скатывается.

Соболев посмотрел в сторону детских аттракционов, а потом на часы. До взрыва оставалось ещё семь минут.

– Ну, ты проверила? – спросил он.

– Я все обшарила. Но кто-то ж мог остаться в этой трубе или на какой-нибудь горке.

– Эй! – крикнул Соболев. – Здесь есть кто-нибудь? Сейчас будет взрыв. И если вы не хотите, чтобы вас завалило осколками и камнями, лучше выходите оттуда.

В ответ тишина.

– Вот видишь, – повернулся он к стажёрке, – нет никого. Давайте мы тоже выйдем. Осталось меньше шести минут. Лучше вообще убраться от здания. Расчёты расчётами, а как оно себя на самом деле поведёт – неизвестно.

Оксана, не спеша, вслушиваясь в тишину, собрала свой рюкзак. Таймер показывал, что до взрыва осталось меньше четырёх минут. Юру упрашивать не пришлось, он самый первый вышел из здания клуба, затем Соболев буквально выпихнул на улицу Оксану. Оказавшись на крыльце, он полез

в карман за сигаретами, но их там не оказалось. Тут Соболев вспомнил, что забыл пачку в рюкзаке с рабочим инструментом. Чёрт! Он забыл там рюкзак! Соболев зло плюнул на тротуарную плитку и забежал обратно в здание.

Две минуты.

Ещё не хватало, чтобы инструменты завалило чем-нибудь. И совсем плохо будет, если рванет оставшаяся взрывчатка. Это он на стажёрку отвлёкся. Вот почему Соболев любит работать один – никто не мельтешит перед глазами.

Рюкзак он нашёл там, где и оставил, – возле входа в бассейн. Соболев быстро закинул его на одно плечо и развернулся обратно к выходу. И тут он услышал этот звук.

Это было похоже на скрип, словно кто-то действительно медленно полз с горки. Подача воды на аттракционы уже давно была прекращена, и возможно, кто-то действительно пытается катиться по уже высохшему пластику трубы. Соболев чертыхнулся, поставил рюкзак и подошёл к детским горкам.

Звук больше не повторялся. Соболев несколько раз прокричал предупреждение, но ответа так и не получил. Таймер показывал сто десять секунд. Надо было уходить. Но он уже слышал звук, а он привык себе доверять. Соболев стал обходить детские горки, очень быстро, почти бегом. Извиваясь и чертыхаясь, он прополз по нескольким аттракционам, вымок до нитки, но так никого и не нашёл. В сердцах Соболев стукнул кулаком по ближайшей пластиковой трубе. И вдруг что-то зашевелилось под рукой. Словно затрепетала крылья-

ми птица, которую он случайно вспугнул. Соболев ударил по трубе ещё раз. Звук повторился. Теперь добавился скрип. Внутри кто-то двигался.

Соболев стал молотить по трубе и кричать:

– Эй, выходи! Быстрее! Сейчас сюда осколки полетят!

Он кричал громко и зло, не переставая молотить руками по глухому пластику. И тут услышал плач. Ребёнок. Соболев пулей взлетел по лестнице на горку, попытался пролезть. Нет! Слишком тесно для взрослого человека в полной экипировке. Не хватало ещё, чтобы он сам застрял здесь. В трубе отчётливо слышались горькие всхлипы.

Соболев посмотрел на часы – до взрыва меньше тридцати секунд. А если оставить его там? Закрыть верхний вход тряпками, рюкзаком, чтобы ничего не залетело? Тогда стенки трубы защитят ребёнка от падающих осколков. Или не защитят? Слишком тонкие и слишком мягкие стенки. Кто знает, сколько этих стёкол будет, тем более они полетят с приличной высоты. Да и ребёнок может испугаться шума и попытаться вылезти. Вот оно! Может получиться...

Соболев автоматически бросил взгляд на таймер – пятнадцать секунд. С каким-то нечеловеческим криком он прыгнул на трубу сверху и стал барабанить по пластику руками и ногами, постепенно спускаясь. Он надеялся на естественный порыв любого живого организма – убежать от опасности. Не переставая кричать и бить по трубе, Соболев спустился к тому месту, где предположительно находился ребё-

нок. Никакого движения. Но Соболев был упрям. И хотел жить. Он продолжил истошно кричать и бить руками по пластику. Должно было получиться, потому что иначе никак.

Соболев слышал, с каким противным скрипом, который показался ему приятнее любой музыки, маленькое тельце проползло вниз по трубе к бассейну и плюхнулось, разбрызгивая воду. Не думая, Соболев прыгнул с трубы следом за ним. Мальчик не сопротивлялся. Он был так напуган, что буквально замер у триггера на руках. Какой же он был маленький! Неужели в этом возрасте уже можно ходить в аквапарки?

Бассейн, к счастью, оказался неглубоким, и добраться до бортика не составило труда. Соболев положил на плитку мальчишку, запрыгнул сам. И тут прозвучал сигнал таймера. Опоздал. Сейчас рванёт стенка, и их завалит смертоносным стеклянным дождём. Соболев схватил ребёнка и побежал, прижимая его к животу, пытаясь закрыть собственным телом.

Звук взрыва был похож на новогодний стрёкот петард. Так и задумывалось, так и получилось. А он всё бежал сквозь вязкий воздух, прижимая к себе оцепеневшего мальчишку. За спиной, с гораздо более внушительным грохотом, начали сыпаться стёкла, разбиваясь о детские аттракционы и плитку. Спина заостенела в ожидании осколка... И вдруг Соболев понял, что он вне опасности, они почти добежали до выхода на улицу. Зона поражения осталась далеко позади. Но

почему-то было очень трудно остановиться или хотя бы просто перейти на шаг. И он бежал, пока не наткнулся на двери выхода. Только на улице остановился. Смог нормально вдохнуть. Развернуть плечи. Поднять глаза. Кто-то подбежал к Соболеву, забрал из его рук испуганно икающего ребёнка и сразу завернул его в одеяло. Правильно, автоматически отметил Соболев, икота – признак того, что у пацана стресс, к тому же он весь мокрый. Соболев сам был как утка, хоть выжимай. Но он не чувствовал холода. Даже наоборот, ему было очень жарко. В голове крутились последние секунды. Как он успел? Таймер уже сработал, но они выбежали из зала. И тут Соболев вспомнил про разницу в установленном времени на своих часах и на детонаторе. Вот они – две секунды разницы. Соболев всегда считал, что эти две секунды не существенны. Но теперь понял: две секунды – это очень много.

В конторе всё было тихо. Никто не встречал Соболева цветами и овацями, не было поздравлений или шуток про героя. Все занимались своим делом. Диспетчер откровенно скучал, играя на телефоне в какую-то лабуду про зомби; в мастерской негромко работал телевизор. Дежурный мастер Серёга разглядывал на компьютере фривольные фото незнакомых девушек из социальной сети.

– Ты ослепнуть не боишься? – Соболев спокойно относился к увлечениям молодого мастера, но не упускал случая его подколоть.

– Из-за компа? – не понял Серёга.

– Из-за компа, – хмыкнул Соболев.

– Ты чего такой пыльный?

– Бассейн взрывали, – отмахнулся Соболев, – не знаешь, воду горячую дали?

– Не-а, – ответил Серёга и отвернулся обратно к монитору.

– Вот гады. – Соболев посмотрел на своё отражение в выключенном экране соседнего монитора. – Голову и так хрен промоешь после побелки.

– Кирилл, – В мастерской показалась секретарь Леночка, – тебя шеф вызывает.

– Угу, – кивнул Соболев, а когда Леночка ушла, добавил: – Тут даже холодная вода – это роскошь.

Серёга никак не отреагировал на его слова, всё так же продолжая пялиться в монитор.

– Ты бы хоть телик выключил, – проворчал Соболев, – если всё равно не смотришь.

– Я слушаю, – отмахнулся Серёга.

– Слушает он...

Соболев перевёл взгляд на телевизор. Там показывали последствия очередной катастрофы:

«...погибли все находившиеся на борту сорок семь человек: семь членов экипажа и сорок пассажиров...»

– Что ж они так хреново самолёты делают, что они всё время падают? – вырвалось у Соболева.

– Они всё так хреново делают, – не поворачиваясь, ответил Серёга, – и самолёты, и ракеты. А уж как машины делают, вообще непонятно.

– Кирилл, – Голос Леночки стал недовольным, – ну ты идёшь?

– Иду я, иду.

Соболев отвёл взгляд от экрана телевизора. Он вдруг поймал себя на мысли, что его совсем не печалит участь этих людей. Вернее, он, конечно, волнуется, что в самолётах летать становится всё опаснее и страшнее. И ему неприятна мысль, что среди погибших могут оказаться знакомые или родственники. Но вот ужаса от вида разбросанных в какой-то лесополосе обломков он не испытывает. Но ведь это ненормально?! Погибло сорок семь человек. Таких же, как он. Сорок семь Соболевых...

В кабинете у начальства было прохладно. Недавно назначенный молодой босс не скупился ради собственного комфорта. Не прошло и трёх месяцев, как он въехал в новый кабинет и сразу же взялся за обустройство. Всю старую мебель, пусть ещё и советскую, но хорошую, он поменял на современную и дорогую. Правда, был здесь и плюс: все старые столы и стулья были переданы мастерам и прочему персоналу. Здесь мебель тоже была советская, но куда более потрепанная. А кожаное кресло директора нагло забрал себе диспетчер Рома. Впрочем, если ты работаешь целыми днями за диспетчерским пультом, вставая со стула разве что в туалет,

начнёшь заморачиваться по таким мелочам.

– Привет, герой. – Валерий Игоревич был в хорошем расположении духа. – Мне уже передали, что ты ребёнка спас.

– Есть такое, Валерий Игоревич, – кивнул Соболев, – надеюсь, кто-то ответит за то, что предоставил мне такую возможность. Я бы сам наградил, только это вряд ли оценят.

– Ну-ну, брось. – Валерий Игоревич сверкнул своей белоснежной улыбкой. – Бардака везде хватает. Но зато у меня будет повод выписать тебе премию и даже благодарность.

– Можно только премию, – вяло улыбнулся Соболев.

– Это ты просто недооцениваешь благодарности. Эти бумажки – словно ступеньки лестницы. Карьерной. Ведут наверх.

– Да мне и тут неплохо, – пожал плечами Соболев.

Он ещё не решил для себя, как относиться к новому начальству. С одной стороны, новый босс Соболеву не нравился. Не из-за каких-то личных качеств, а чисто из внешней диспозиции. Уж очень тот отличался от работяг, которые сутки напролёт мотались по городу в защитных костюмах, каждый день рискуя своей жизнью. Прошлый начальник сам был когда-то триггером, поэтому его уважали. Все знали, что если тот отдаёт какой-то приказ, то он полностью понимает, как рискует мастер на объекте. А чего ждать от этого хлыща – непонятно. Пока он только занимается какими-то внешними атрибутами своего офиса, мотается по семинарам в столицу и участвует в различных форумах, свалив все админи-

стративные заботы на старшего мастера.

Триггерская служба – только звучит гордо. Здесь не носят шевронов и эполетов, а вместо формы – потрёпанный комбинезон и иногда жаростойкая спецодежда. Издалека триггера легко спутать с каким-нибудь сантехником или работником газовой службы. По сути, тот же функционал, только под эгидой МЧС. Только вместо счётчиков – датчики, которые подключены к коммуникациям и стенам, и, в случае изменений параметров, за непродолжительное время могут запеленговать будущую аварию. Организация государственная, но тарифы устанавливает область, а там очень заботятся, чтобы электорат не переплачивал за услугу. То, что субъект страны переплачивает потом на возмещении ущерба из-за недофинансирования службы, никого не волнует. Именно поэтому обновления обстановки в кабинете начальника выглядели нелепо. Все задавались вопросом, откуда он потом возьмет деньги на премии, новое оборудование и материалы. Вопросами задавались «про себя».

Соболев понимал, что такое субординация. Но вот даже сейчас было настолько очевидно, что между двумя мужчинами, почти ровесниками, лежит целая пропасть, что правильной субординации как-то не получалось. На дорогом паркете стоял холёный карьерист в дорогом костюме, а напротив него – уставший триггер в защитной одежде, весь усыпанный побелкой.

– Я могу идти? – спросил Соболев, понимая, что свою

миссию – показать, что он тоже в деле – начальник уже выполнил.

– Конечно, Кирилл, – кивнул начальник, немного расстроенный тем, что диалога не получилось, – но про благодарность я серьёзно.

– Хорошо, – равнодушно буркнул Соболев и вышел из кабинета.

Кириллу очень хотелось принять душ и переодеться, чтобы хотя бы временно почувствовать себя человеком.

– Кир, у нас вызов! – крикнул из диспетчерской Рома.

– Да твою ж... Пусть Серёга съездит. – Соболев уже приготовил себе полотенце и чистые вещи и от душа отказываться не хотел.

– Не, я не могу, – заполошно вскинулся Серёга, – Валерий Игоревич мне оставил отчёты заполнять и сказал, что срочно. Это для вышестоящих.

– Так ты же всё равно ничего не заполняешь, – возмутился Соболев, – на девок в мониторе пялишься.

– У меня была минутка отдыха, – стал оправдываться Серёга, – я с утра эти цифры по таблицам распихиваю.

– Ну так съезди на объект, отдохни от цифр.

– Да ты что! Мне сдавать отчёты уже через час, а там ещё заполнять целую тучу.

– Да пошёл ты, – Соболев швырнул полотенце и вышел из мастерской.

В диспетчерской было сильно накурено, рано или поздно

Рома должен был попасться, но пока что этого не происходило.

– Что там? – спросил Соболев.

– А почему ты едешь? – удивился Роман. – Серый же целый день за компом торчит.

– У него сверхсрочное задание от начальства.

– Ясно, – понимающе кивнул Рома, – ладно, вызов вроде простой. Огнетушитель возьми только.

– Не говори «гоп». Адрес давай.

Квартиру открыла женщина лет пятидесяти. Судя по виду, у неё вот-вот должна была начаться третья стадия волнения – паника. Обгрызенные ногти, всклокоченные волосы – она явно не сидела без дела, накручивая себя всё время, пока ехала триггерская бригада, как могла. Ну и вид Соболева, конечно, только добавил испуга.

– Пожар? – севшим голосом полувсхлипнула женщина.

– Почему сразу пожар? – невинно спросил Соболев, поправляя огнеупорный костюм. – Может, я тараканов травить пришёл?

– А каска? А огнетушитель? – сощурившись, проницательно заметила женщина.

– Возможно, – осторожно заметил Соболев, – но вы не волнуйтесь. Я для того и приехал, чтобы ничего страшного не произошло. Давайте вы мне подпишите акт и потом покинете квартиру.

– Это не взрыв бытового газа? – В коридоре появился

мужчина, наверное, муж хозяйки квартиры.

– Не похоже, – уклончиво ответил Соболев, – малая сила воздействия. Скорее, короткое замыкание.

– А нельзя это предотвратить? – В голосе мужчины появилась неприязнь. Соболеву часто приходилось сталкиваться с такими мужичками: они смотрят на триггера, как на вымогателя или разрушителя, включают «не лоха» и начинают выносить мозг ненужными расспросами.

– Нет, нельзя, – спокойно ответил Соболев, уже зная, что на этом вопросы не закончатся.

– А если электричество отключить?

Ох уж эти «если». Каждый раз, когда приходится работать с частным сектором, начинаются эти «если». И людям бесполезно объяснять, как это работает, или показывать примеры. Соболеву вдруг вспомнился случай, он тогда ещё был стажёром, когда один фермер отказался от услуг триггеров и решил обезопасить себя сам. Вагончик, в котором была зафиксирована опасность пожара, был отсоединён от всех проводов и вывезен в поле. Но ровно в заданное время он загорелся всё равно. Если плохое должно случиться, оно обязательно случится. И хоть что ты делай! Зато теперь, когда можно вычислить, где и когда это плохое может произойти, получается хотя бы минимизировать потери.

– Нельзя ничего изменить, – устало ответил Соболев, – можно сделать только хуже.

– А если... – снова начал мужичок, но был прерван супру-

гой, которая дёрнула его за рукав рубашки и бросила злой взгляд.

– Нам уже надо идти? – спросила женщина, возвращая Соболеву подписанный акт.

– Да, идите. Все ценные вещи собрали? – уточнил Соболев из вежливости. На самом деле ему было всё равно. Не его же вещи.

– Все, – вкладывая особый смысл, ответил мужчина. Видимо, это был намёк на триггерскую нечистоплотность.

Соболев не отреагировал – пусть думают что хотят. Триггер лишь делает свою работу, помогает защитить собственность. Благодарностей ему не надо. Просто оплатите счёт.

Соболев проводил хозяев из квартиры и наконец приступил к работе. Первым делом он проверил датчик, чтобы убедиться, что тот не повреждён и не показывает ложные данные. Потом уточнил его характеристики. С датчиком было всё в порядке.

Кирилл достал портативный сканер – маленький прибор, похожий на обычный планшет с большими антеннами по бокам, и присоединил его к стационарному сигнализатору, установленному в квартире. Через несколько секунд данные были загружены в сканер.

Дальше началась охота – поиск потенциально опасного места. На экран планшета был выведен двумерный план квартиры. В задачу Соболева входило обойти всё помещение. Сканер проверял пространство вокруг себя, одновременно

менно закрашивая зелёным цветом пройденную часть квартиры на схеме. Там, где на экране появится красная зона, и есть искомый эпицентр происшествия. В этой квартире эпицентр жил на кухне. Это был тройник, в который воткнули ещё один тройник. И вся эта разводка несла на себе нагрузку приборов с большой мощностью: чайник, микроволновка, тостер и холодильник. Немудрено, что именно здесь должно произойти возгорание. Сканер показывал, что до события осталось ещё десять минут.

Да, если бы только в их обязанности входило проверять датчики – это была бы сказка, а не работа. Но триггеры обязаны не только выявить причину аварии, но и минимизировать потери. Иногда им приходится самим инициировать происшествие, чтобы разрушение или пожар стали управляемыми, и не наделали много бед. Но не в этом случае. Здесь надо было просто проследить.

Соболев сел на табурет возле кухонного стола, поставил огнетушитель себе на колени, сорвал с него пломбу и стал ждать. Самая поганая часть работы – ожидание. На кухонном столе лежала забытая хозяевами пачка сигарет. Соболев нерешительно повертел её в руках. В конце концов, пожар точно должен случиться не в этой части кухни. Он закурил, блаженно прислонившись к стене. Он уже видел, как начинают разворачиваться события: как сгусток силы плавит пространство в том месте, где скреплены тройники. Он уже слышал, как выбило пробки и первые струйки резинового дыма

начали прорываться наружу. Соболев затушил в пепельнице сигарету, поудобнее перехватил огнетушитель и направил его в сторону тройника.

Ничего необычного, просто работа.

Глава 2

Свой первый из трёх выходных Соболев привык проводить одинаково. Он спал до полудня, потом шёл в ближайший магазин и затаривался на неделю. Триггер терпеть не мог современные супермаркеты с их тупой громкой рекламой и музыкой. Потом Соболев шёл домой, разгружал продукты и пил чай. После магазина почему-то всегда хотелось отдохнуть, словно он не замороженные стейки домой нёс, а смену отпахал. Обычно Соболев проводил часок под какой-нибудь типовой сериальчик и под него же возвращался на кухню. Там он делал продуктовые заготовки на всю неделю и приступал к обеду. За обедом Соболев позволял себе бутылочку тёмного пива и потом шёл на любимый диван дочитывать «текущую книгу». У него всегда была «текущая книга». Каждый раз, когда он дочитывал очередной роман, для него это было почти трагедией, потому что надо снова искать чтиво.

Но этот первый день отдыха пошёл не по плану. Как раз, когда Соболев после сытного обеда собирался завалиться с книгой, завибрировал телефон. Он чертыхнулся и полез за трубкой в карман куртки. Можно было, конечно, послать его на фиг, но это могла быть и работа. И если это работа внеурочная, то она могла принести деньги, а если какое-то крупное ЧП, на которое собирают всех, то можно было получить

по шапке за игнорирование сигнала.

– Слушаю?

– Соболев, – прозвучал в трубке голос секретарши Леночки, – срочно дуй в контору.

– На фига?

– Валерий Игоревич собирает летучку. Ты свой отчёт уже сдал?

– Нет ещё.

– Ты чего? Сегодня же последний день! Валерий Игоревич планирует ввести штрафы за просрочку с отчётами.

– Твою ж... – выругался Соболев, в последнюю секунду остановив готовое вырваться слово. – Сейчас приеду.

Ещё поднимаясь по лестнице в контору, Соболев почувствовал, что сегодняшней выходной будет не самым лёгким. В диспетчерской былолюдно, как часто бывает под конец месяца. Диспетчеры и другие мастера сдавали отчёты и материалы. Было душно, а басовитые голоса, казалось, вытесняли остатки воздуха из помещения. Захотелось сразу развернуться и убежать. Но вместо этого Соболев зашёл в диспетчерскую и, щурясь, стал приветственно выцеливать знакомых правой ладонью для рукопожатий. Хорошо, что его стол находился возле окна. Прежде чем занять своё место, пришлось распахнуть створки настежь, иначе долгий трудовой день мог закончиться головной болью и атрофией обонятельных рецепторов.

В открытое окно ворвался тёплый весенний ветер, и ды-

шать стало веселее. Соболев включил свой компьютер, поприветствовал своего визави по шахматам, который, оказывается, ещё три дня назад сделал свой ход. Пришлось извиниться и сделать ход своей фигурой. Ход был не очень обдуманным и, скорее всего, вёл к потере слона, но хотелось быть вежливым – человек столько ждал. В конце концов, это же не последняя партия. Игрок на том конце виртуальной шахматной доски ход Соболева увидел, но задумался. Может, подумал, что это какой-то хитрый манёвр. Иногда глупость действительно очень похожа на хитрость, особенно если она – вежливость.

Дальше Соболев занимался рутинными рабочими делами. Он сдал свой отчёт Леночке и в ожидании дальнейших распоряжений в своё удовольствие путешествовал по новостным сайтам и социальным сетям. И даже мог позволить себе, пользуясь всеобщей вакханалией, покурить в открытое окно, не отходя от своего стола.

Появилась Оксана – стажёрка, которую прикрепили к Соболеву как к самому проштрафившемуся. Она скромно кивнула и, как всегда, не увидев особого азарта поучать у наставника, села в уголок со своим миниатюрным ноутбуком. Почему-то сегодня Соболеву стало стыдно, что он всё время динамит девочку. Даже если ты странно одет, а Оксана одевалась исключительно в стильное рваньё, и даже если у тебя пол-лица в пирсинге и к тому же ты знатная «почемучка», всё равно ты достойна внимания. Многие не понимали Со-

болева – досталась симпатичная девятнадцатилетняя деваха, которая в рот смотрит и ловит каждое слово, а он ещё кочевряжится. Но для триггера-одиночки эта «нагрузка» действительно была в тягость. Он всегда был сам по себе, редко приглашая спецов на выезды. И он совсем не понимал, как и о чём можно разговаривать с девочкой, которая моложе на шестнадцать лет. Она даже разговаривала на каком-то своём языке – сленге, который Соболев едва мог разобрать. Но сегодня ему почему-то стало стыдно. А может, просто захотелось убить время.

– Ну что, – обратился он к Оксане, – пойдём, проведу инструктаж по спецсредствам?

Оксана даже не сразу поняла, что Соболев обращается к ней, но когда до неё дошло, то тут же захлопнула лэптоп и с готовностью кивнула.

– Смотри, – начал Соболев инструктаж, – основная работа у нас проходит здесь. Мы следим за системой и реагируем только на вызовы. Вот здесь, – показал он на большой экран, который висел над диспетчерским пультом, – на карте отображены все наши объекты. Видишь эти синие точки?

Оксана кивнула.

– Они показывают, где находятся объекты, на которых установлены наши датчики. Когда они синие, значит на объекте всё в порядке. Если какая-нибудь точка загорелась красным, значит, там возможность возникновения ситуации. Мы выезжаем и выясняем, в чём дело. Как правило, это пустяки

какие-нибудь: утечка газа, обрыв провода. Но мы обязаны проверить, потому что это потенциально опасно. Ясно?

Оксана снова кивнула.

– Ну, в общем, вот и всё, – развёл Соболев руками.

– А как прочекаем, что рили в это время будет ЧП?

– Датчики фиксируют изменение среды: колебание воздуха, амортизацию материалов, другие факторы, воздействующие на среду. И ежесекундно отправляют отчёты в центр, а оттуда – сюда. Автоматическая система в центре их анализирует и отображает на карте: синим цветом – значит, всё хорошо, красным – если ситуация критическая.

– Пон. А как пружит?

– Этого я тебе не скажу, – пожал Соболев плечами. – Нас инструктировали на эту тему в общих чертах. Там что-то вроде анализаторов стоит и мини-компьютер для сопоставления и анализа.

– Ага, – немного пренебрежительно отозвалась Оксана.

– Так, – разозлился Соболев, – хотела разбираться в разработках, надо было идти на другую работу. В лабораторию там или в исследовательский центр. А если уж решила быть триггером, запоминай то, что тебе пригодится по работе. Вот, – он взял стул от рядом стоящего стола и поставил напротив большого экрана, – садись сюда и следи за точками.

Оксана неохотно опустилась на стул и спросила:

– И всё?

– Всё, – безжалостно ответил Соболев, – это самое важное

– следить за точками. Я хочу, чтобы ты была в этом лучше всех. Познай кунг-фу точек и сообщи, если что-то заметишь.

– Какой-то кринж. А как же спецсредства? – с надеждой протянула девушка.

– Позже, – уклончиво ответил Соболев, который на самом деле собирался отвести стажёрку на склад сразу, как перекурит.

Но планировать легко, когда ты повелитель вселенной. А если ты обычный человек, то обязательно что-то пойдёт не так.

– Кирилл, тебя Казанцев вызывает, – услышал Соболев голос секретарши.

Он неохотно выбрался из-за стола и поплёлся к кабинету директора. Кто-то пошутил про ковёр, мол, сейчас отчитают; кто-то возмутился, что Соболев лезет без очереди. Он не отвечал, бегло оглядывая лица сотрудников. Вдруг Кирилл поймал себя на мысли, что не знает и половины присутствующих. Странно... Соболев так давно работает здесь, а по именам мог бы назвать не больше десятка человек, да и то меньше: двух мастеров и, может, пару диспетчеров. Они редко пересекались по работе, а на корпоративы Кирилл не ходил. Чего же он удивляется? Но всё равно было как-то необычно совсем не знать своих коллег. Соболев дал себе обещание обязательно посетить следующее рабочее-праздничное мероприятие.

Шеф встретил с очень серьёзным видом. Такое выраже-

ние начальственного лица обычно не предвещало ничего хорошего. Валерий Игоревич явно пытался компенсировать молодость показной решительностью.

– Вызывали? – закрывая за собой дверь, обозначил своё присутствие Соболев.

– Да, – ответил Казанцев, – вызывал.

Соболев спокойно прошёл в кабинет и сел на свободный стул.

– Кирилл, – начал начальник, – ты ведь давно уже здесь работаешь?

– Лет десять, наверно, – ответил Соболев.

– И до сих пор в мастерах?

Соболев опустил голову. Да, он уже знал, о чём будет этот разговор. Прошлый начальник, да и сам Валерий Игоревич, несмотря на то что был здесь без году неделя, пытались заводить этот разговор. Действительно, Кирилл уже давно должен был получить старшего мастера или даже пробиться в замы. При его образовании и стаже работы это было бы нормально. Но Кирилл не хотел расти в этом смысле. Ему нравилась работа «на ногах». Ему нравилось чувствовать адреналин, который давала ежедневная рутина «в поле». Он считал, что «сидячие» должности превращают мужчин в неповоротливых тюленей, проживающих свой век от машины до подъезда. Ему не хотелось становиться таким. Может, поэтому он частенько косячил с отчётами, да и вообще, любил забить на бумажную работу.

– Валерий Игоревич, – ответил Соболев, – меня всё устраивает, и я не собираюсь...

– Я понимаю, – прервал начальник, – всё это уже слышал. Я тут посмотрел твоё дело и вот что понял: ты не имеешь права просиживать в простых триггерах. У тебя опыт, образование. А сколько ситуаций ты удачно закрыл, это же невероятно! Ни одной жертвы по вине триггера.

– Это не только мои заслуги.

– Кирилл, – чуть громче сказал Валерий Игоревич, – дослушай. Я понимаю. Я слышал твои аргументы. Но и ты сделай одолжение. Нельзя столько вкалывать на выездной работе. У тебя скоро начнется профессиональная деформация, пропадёт чуткость, а главное, начнёт притупляться инстинкт самосохранения, если уже не начал. А ты мог бы работать с большей пользой и с текущим запалом, но уже совсем на другом уровне.

– С большей пользой для кого?

– Для всех, – обрадовался Валерий Игоревич, что какие-то слова попали в цель, – для себя, для общества.

– Для предприятия... – продолжил Соболев.

– И для предприятия в том числе, – согласно кивнул начальник. – Твой скепсис напрасен. Наша работа – это не просто хозрасчёт, дебет с кредитом. Мы жизни спасаем.

– Мы имущество спасаем в основном. Да и то, скорее уж рушим, минимизируя потери.

– А мальчишка, которого ты недавно спас?

– Это бывает, – пожал плечами Соболев.

– Я об этом и говорю. Ты даже уже не замечаешь этих катастроф. Подумаешь, жизнь спас!

– Я не об этом...

– А я об этом. – Казанцев встал из-за стола. – Ты даже уже не понимаешь масштаба. А знаешь, почему? Потому что невозможно увидеть всей картины снизу. И вот поэтому у меня к тебе будет предложение...

– Валерий Игоревич, – ворвался в кабинет диспетчер Рома, – большое ЧП!

– Мы говорим – ситуация, – решил поправить начальник, – и почему ты врываешься без стука?

– У нас ситуация! – почему-то глядя на Кирилла, повторил диспетчер, – «химик» бахнет.

– Твою ж медь, – выругался Соболев.

– Что? – не понял Валерий Игоревич. – Какой «химик»?

– Химический завод, – процедил Соболев, не поворачиваясь к шефу.

– Михалыч здесь? – спросил он у диспетчера. При таких серьёзных происшествиях необходимо было присутствие старшего мастера, а Михалыч был единственным, кто дослужился до этой должности и не ушёл с работы.

– Здесь, – кивнул Рома.

– Пусть собирает всех.

Соболев посмотрел на побледневшего начальника.

– Отдайте распоряжение, – сказал Соболев.

– Да, – кивнул Казанцев, – отдаю.

Соболев кивнул и одновременно с диспетчером выскочил из кабинета директора.

Никому ничего не надо было объяснять. Все присутствующие в конторе мастера быстрым шагом потянулись на склад переодеваться. Остался только Михалыч. Он остановил Соболева, схватив за рукав.

– Куда, – зашипел он, – куда ты всех тащишь? Смекаешь, сколько там всего? Если «химик» вспыхнет, мы ничего не сможем сделать. А быть рядом просто опасно. Надо звонить спецам и в администрацию, и пусть эвакуируют всех к хренам. По понятиям, район – это их ответственность.

– По правилам, – ответил Соболев, – служба безопасности завода должна это сделать. А если мы позвоним, могут просто пропустить мимо ушей, как розыгрыш какого-нибудь отморозка. У нас ещё два часа. Если не найдём за час, успеем свалить.

Старая «буханка» тряслась нещадно. Лица у мастеров были напряжённые, словно у парашютистов перед прыжком. Михалыч всё-таки решил ехать. Он был старый опытный мастер. И хоть реально помочь, если что-то случится на заводе, он бы не смог, его присутствие успокаивало. Причём не только Соболева – остальные мастера тоже чувствовали себя увереннее в присутствии битого волка.

Радиоприёмник, настроенный на волну такого же древне-

го, как уазик, «Маяка», прервал какую-то душевную песню выпуском экстренных новостей:

«... в результате крушения поезда пострадало... сорок девять человек...»

– Да выруби ты её, – рыкнул Михалыч на водителя.

Соболев снова поймал себя на мысли, что ему безразличны те люди. Он думал только о том, сколько человек может погибнуть в результате взрыва химического завода. Сотни? Тысячи? А вдруг погибнут они – мастера? Это было ближе к телу. Это было важнее. Но ведь там погибло сорок девять человек. Таких же, как он. Ехали куда-то, строили планы. Сорок девять Соболевых...

– Так, пацаны, – скрипучим голосом сказал Михалыч, когда служебный уазик, раскачиваясь, заезжал на территорию завода, – без нервов, спокойно берём оборудование.

– Ты, Стас, – показал он на одного из мастеров, – бери Молодого и Леху, он в электронике сечёт. Сань, ты берешь Заура и Петра, я пойду с ним, – Михалыч показал на Соболева, – остальные с Коляном, он самый опытный в вашей группе. Разделяемся на сектора, чтобы быстрее всё обшарить. Мы берём подвал и столовую. – Михалыч достал планшет и показал план завода. – Сань, твой весь второй этаж; Стас, твой – третий. Коль, на тебе техническое помещение и крыша. Выставьте таймеры. Ровно через час собираемся все внизу и сваливаем. Ждать никого не будем, потому что у всех семьи, дети и кошки, а любая задержка погубит нас

всех. Кто первый находит, срочно сообщает. Всё ясно?

Мастера нестройно ответили, что всем ясно. Уазик остановился, и началось.

Спасибо Михалычу, действительно, никакой суеты не было. Каждая группа разобрала щупы, датчики и бегом направилась к объекту. Правда, сразу попасть внутрь завода триггерам не удалось. Охрана напряглась, когда они только заезжали на территорию, и теперь, стоило мастерам выйти из автомобиля, их уже ждала вся смена ЧОП.

– Никаких распоряжений по этому поводу не было, – заявил один из охранников, когда Михалыч рассказал ему о сути «набега».

– Послушайте, – вмешался Соболев, – у вас сейчас на заводе происходит какая-то внештатная ситуация или аварийное разрушение, которое через полтора часа приведёт к большому пожару.

– Мы бы знали, – ответил охранник, но уже как-то неуверенно, – у нас бы сирена завывала.

– У нас завывала, – начал заводиться Соболев. – Наша система показала, что будет ЧП. Слушайте, мы теряем время! Может, мы ещё успеем остановить процесс.

Охранник переглянулся с коллегами, пожал плечами и согласился:

– Ладно, проходите. Только сумки эти свои оставьте здесь.

– Ты издеваешься? – совсем озверел Кирилл. – Там всё наше оборудование, с помощью которого мы работаем.

– Ничего не знаю, – ответил чоповец, – нам запрещено пропускать с сумками и электроникой. Вдруг вы шпионы.

Охранник улыбнулся своей глупой шутке и посмотрел на коллег, чтобы они тоже оценили юмор.

– А давай я тебе покажу, что у нас, – как-то неестественно вежливо предложил Михалыч.

– Да какая разница... – начал сопротивляться сотрудник ЧОП.

– Нет, а ты посмотри, – настаивал триггерский битый волк, – посмотри, что у нас.

Михалыч сдёрнул с Соболева рюкзак и расстегнул молнию.

– Смотри. – Он поднёс рюкзак к самому носу охранника.

– Что это? – недовольно пятясь, спросил тот.

– Как что? – усмехнулся Михалыч и запустил руку в рюкзак. – А вот...

И достал динамитную шашку.

– Взрывчатка. – Охранника как током ударило. Он стал судорожно водить по себе руками в поисках рации.

– Ложись! – крикнул Михалыч и зажёг фитиль.

– Ты что делаешь? – заорал Соболев, с ужасом наблюдая, как радостно скачет огонёк по бикфордову шнуру.

– А надоели мне эти прохиндеи, – ответил тот и бросил шашку в самую толпу чоповцев, поближе к проходной.

Охранники бросились врассыпную, Соболев тоже дёрнулся было на землю, но Михалыч его удержал.

– Некогда валяться, – спокойно сказал он и жестом показал остальным, что надо заходить.

Пробегая мимо шашки, он отшвырнул её, пнув ботинком в сторону валяющейся на земле охраны.

Мастера быстро забежали внутрь и через стёкла дверей стали наблюдать за дымящейся шашкой. Она должна была вот-вот взорваться. И Соболев сомневался, что стеклянные двери спасли бы их. Скорее наоборот – покалечили бы ещё сильнее. Но их негласный вожак оставался спокойным.

– Да не рванёт, – взглянув на Кирилла, сказал Михалыч, – дымовая... Давайте быстрее делом займёмся. Кирилл, бери щупы, расставляй в подвале. Я сейчас с начальником их перетру, чтобы нам открыли другие помещения. Остальные, в темпе за работу.

– А с чего ты решил, что начальник сейчас подойдёт? – спросил Соболев.

– Ты бы не подошёл разобраться?

Кирилл кивнул, поняв замысел старого лиса. Михалыч правильно рассчитал: эти ребята ничего не решали, иначе не стали бы задаваться перед триггерами. А вот начальнику они точно уже сообщили о безумцах с динамитом. Так что тот должен появиться скоро.

Мастеров долго упрашивать не пришлось. Они похватили оборудование и разбежались по своим секторам. Соболев тоже не стал дожидаться начальника охраны. Конечно, он мог упереться в закрытую дверь подвала, и на том бы кончилось

его рвение. Но триггеру повезло: в подвале была подсобка, в которой, видимо, отдыхали сами охранники. Было видно, что здесь проводят много времени: стоял стол, на котором валялась полупустая пачка печенья, к стене прижался боком выдавший виды электрический чайник, всё это было посыпано крошками, а на самом почётном месте – у противоположной стены, смотрел на мир чёрно-белым экраном маленький телевизор. Тут же жили потёртый диван, пару стульев и громоздкая вешалка. Вешалка стояла в углу. Её пришлось отодвинуть – именно здесь Соболев собирался разместить первый щуп. Дальше он действовал быстро. Обойдя всё подсобное помещение, он наткнулся на следующую дверь, ведущую в глубь подвала. Дверь была закрыта, но, по счастью, на обычную проволоку. А за дверью начинался длинный сырой коридор. Соболев нащупал на стене, слева от себя, выключатель. Хоть у него и был большой фонарь, но перспектива врезаться на полном ходу в какую-нибудь трубу или наступить на что-нибудь острое не особо радовала. Под ногами плескалась вода, а вдалеке что-то неприятно шуршало, но обращать внимание на эти трудности было некогда. Он повернул выключатель.

К счастью, свет здесь был. По коридору, правда, через одну, загорелись тусклые лампочки. Соболев посмотрел на часы. Время таяло, надо было торопиться. Он включил планшет, чтобы прикинуть, куда поставить оставшиеся датчики, и двинулся по пахнущему сыростью коридору. Часть подва-

ла была затоплена водой, но по схеме поиска можно было обойти эти водные зоны.

Когда триггер устанавливал последний щуп, краем глаза заметил шевеление возле труб, обмотанных стекловатой. Мелькнул длинный хвост. Вытерев пот со лба – бегать по душным подвалам не самое лёгкое занятие, Соболев запустил программу поиска.

А дальше – всё как обычно: анализ, просчёт вариаций... Собственно, работа триггера кончилась, теперь работала машинка. Наконец программа пискнула и вывела на экран планшета результат – пусто. Соболев облегчённо вздохнул, но запустил поиск ещё раз, на всякий случай. Хорошо, если проблема не в подвале – здесь её решать всегда сложнее. Вообще, с любыми конструкциями примерно один алгоритм: чем выше точка события, тем меньше разрушений она принесёт. Самое страшное – это точка в фундаменте или подвале. Контрольный поиск результатов тоже не дал, и Кирилл с чистой совестью стал собирать оборудование.

На выходе из подвала Соболева встретил Михалыча в компании с грузным лысоватым охранником. На бейдж последнего было написано, что он начальник службы безопасности завода. Михалыч о чём-то оживлённо спорил с ним и прекратил только тогда, когда окутанная паутиной подвала голова Кирилла показалась из-за двери.

– Ну, что там? – спросил Михалыч.

– Пусто.

– Хорошо. Кирилл, это начальник охраны завода, – представил Михалыч своего спутника, – Сергей Викторович.

Начальник охраны протянул руку, которую Соболев неохотно пожал.

– Кирилл, – представился Соболев. – Михалыч, а что остальные?

– У всех пусто, – озадаченно почесал затылок старый мастер. – Колян ещё не всё прошёл, мы ждали, пока нам чердак откроют. Я к нему отправил в помощь Стаса, так быстрее управятся.

– Получается, что точка на крыше или в техническом?

– Да вот, – Михалыч снова почесал голову, – Сергей Викторович говорит, что у них сигнала вообще не было.

– Как – не было?

– У нас к мониторам отдельная смена приставлена следить, – сипло ответил начальник охраны. – Не было никакого сигнала. Потому мои ребята и не пускали вас.

– Чушь какая-то. Но у нас же система даже вызов отметила.

– Кхм, Кирилл, отойдём. – Михалыч взял Соболева за локоть и отволок в сторону. – Ты Роме звонил?

– Зачем?

– Позвони. Что-то там в диспетчерской происходит, а он мне не говорит. Ты ж с ним вроде нормально общаешься.

– Я понял.

Достав свой телефон, Соболев нажал первую клавишу на

быстром наборе. В голове промелькнула мысль, что стоит, наверное, пересмотреть свою жизненную философию, раз на единичке стоит вызов работы.

Михалыч показал жестом, что будет ждать на выходе, и ненавязчиво увёл начальника охраны за собой, видимо, чтобы дать Соболеву спокойно поговорить.

Трубку долго не снимали, что странно для диспетчерской. Обычно если главный за пультом куда-то уходил, телефон поднимали другие люди. В крайнем случае Лена, которая потом отчитывала за то, что её заставили бегать.

На восьмой гудок ответили.

– Что?! – крикнул в ухо Соболеву обычно спокойный Ром. Похоже, действительно что-то стряслось.

– Ром, это Кирилл, что у вас там происходит?

– Соболев, блин, хрень какая-то. Система зафиксировала вызов, отчёт улетел в контроль, а теперь система выдаёт ошибку.

– Какую ошибку?

– Да я тебе что? Программист? Какие-то казюлябры. Я связался с администраторами, которые её обслуживают. Они говорят, перезагрузи.

– Ну?

– Что ну, Кирюх? Если я её перезагружу, то последний неподтверждённый вызов сотрётся. Понимаешь, как будто и не было его. А ситуация-то есть. Получается, умышленная диверсия. А если люди погибнут, мы тут вообще все сядем!

– А что наш новый шеф говорит?

– Он тоже говорит, что надо перезагружать. Но, Кирюх, как? Я в тюрьму садиться из-за этого не хочу. У вас на месте что?

– Непонятно пока. Всё проверили, осталась крыша. Ты, давай, знаешь, что? Ты не перезагружай пока. Я думаю, ребята чердак быстро пройдут, там их две бригады. Так что минут через двадцать отзвонюсь. Продержишься?

– Постараюсь. – Голос диспетчера стал более спокойным. – Только, Кирилл, а если подтвердится?

– Тогда у тебя законные основания не перезагружать. Хотя если подтвердится, то вряд ли это уже будет важно. Тогда забирай своих и валите подальше от города. У тебя минут сорок будет в запасе.

– Ладно, жду звонка.

– Давай.

Соболев убрал телефон. Нехорошо как всё получается! Неловко всё как-то... Главного мастера Соболев встретил ещё в вестибюле, вместе с остальными триггерами. Стас что-то показывал Михалычу на планшете, остальные чехлили шупы и собирали оборудование. Увидев Соболева, Михалыч оторвался от планшета и пошёл ему навстречу.

– Ну, что? – спросил он.

– Хрень какая-то... Рома говорит, что система дала ошибку, и Казанцев просит её перезагрузить, чтобы неверный отчёт стереть. Я попросил подождать немного.

– А чего ждать? – резко спросил Михалыч.

– Ну, – Соболев немного растерялся – вопрос звучал обвиняюще, – пока мы не закончим проверку.

– Закончили уже, – сквозь зубы процедил старший мастер. – Никто ничего не нашёл.

Михалыч повернулся в сторону триггеров и о чём-то задумался.

– Так это хорошо же. – Кирилл не понимал его настроения. – Ошибка, значит. Ничего не случится.

Михалыч бросил на Соболева острый взгляд.

– Ты уверен? Ты же тоже не первый год работаешь. Много у тебя таких ошибок было?

– Не было ни одной, – пожал Кирилл плечами, – но всё бывает в первый раз.

– Ишь, какой ты везучий. Я вот двадцать пять лет работаю, а тоже ни одной ошибки не видел. Ещё когда на перфокартах нам вызовы присылали, даже тогда не было. А тут системы с мегапроцессорами, и они, значит, ошибаются. Так?

– Да запросто. У тебя что, комп никогда не зависал? Постоянно какие-то лаги бывают.

– Бывают, – кивнул Михалыч, – только вот так, чтоб два раза подряд, это уже похоже не на «всякое». В этом уже есть какая-то система. Ладно. Сколько там до ситуации?

– Сорок три минуты ещё. А почему два раза подряд?

– Да было недавно, – тихо проговорил Михалыч. – Думал, спьяну показалось.

– Что показалось?

– Может, и правда, – Михалыч вяло махнул рукой, – показалось. Словно все лампочки разом покраснели.

– Это невозможно.

– Ага. – Старший мастер что-то прикидывал в уме. – Сорок три минуты, говоришь? Так, дуй к машине, там разберёмся. И вы все, – скомандовал он остальным, – тоже давайте к машине. Оборудование берите и рассаживайтесь. Ждать никого не будем.

Обычно после ситуации настроение поднимается. Ты опять сделал что-то хорошее, спас кого-то или что-то, ты герой, и ты решил задачу. Соболев где-то читал, что удовольствие от решения сложных задач вполне сравнимо с иными удовольствиями. Что-то там в мозге происходит, выбрасываются эндорфины, и чувствуешь блаженство. Но не в этот раз. Кирилл смотрел на лица триггеров и понимал, что и они чувствуют примерно то же самое. Что-то непонятное происходило, что-то такое, что происходить не могло. Ребята сидели, потупившись, словно двоечники, не справившиеся со сложной задачей.

Дверь уазика громко захлопнулась, и с переднего пассажирского сиденья на мастеров уставились серьёзные глаза Михалыча.

– Ну что, пацанва, уезжаем несолоно хлебавши?

В ответ он получил нестройный гул подтверждения.

– У меня предложение, – продолжил старший, – не могу

просто так уехать. Есть всё-таки ощущение, что мы просто не нашли. А значит, шухер должен случиться. Хочется убедиться. Я не говорю ждать здесь. Давайте на Крутой лог отъедем, подальше, и там посмотрим? Если тут будет возгорание или взрыв, мы всё равно увидим. И пожарка заорёт, и наша, может быть, наконец сработает. А? Что думаете? Я не настаиваю. Но, блин, хочется быть уверенным, а не ждать, пока на голову калий с магнием полетит.

– Я – за, – сказал Стас. – Первый раз такая петрушка, что после выезда ничего не нашли.

Михалыч кинул на Соболева красноречивый взгляд.

– Я тоже, – сказал Заур.

Остальные мастера согласно покивали.

– Кирилл?

– Начинает напрягать, что ты меня выделяешь. – Соболев досадливо поморщился. – Что я, рыжий, что ли? Без обид, Стас.

Стас ухмыльнулся в рыжие усы.

– Что мне, не интересно, что ли?

– Чего ты, Михалыч, в самом деле, – сказал Заур. – Все согласны, поехали.

«Буханка» тронулась, издав протяжный скрип. Вот парадокс, работа с техникой, которая стоит миллионы, один щуп по цене, как «жигули», а ездить приходилось на каком-то ведре.

Соболев выставил на своих часах таймер обратного отсчё-

та. Тридцать пять минут. Обещал Роме позвонить. Он взял телефон и набрал номер.

– Рома? Перезагружай.

Михалыч слышал голос Кирилла, повернулся и как-то странно, с прищуром посмотрел на него.

– Да, Ром, всё в порядке, – Соболев не замечал взгляда старшего, – ничего не нашли.

Михалыч отвернулся и кивнул каким-то своим мыслям. Кирилл оглядел салон, поймал пару взглядов. Эх, надо ему чаще бывать на корпоративах, чувствует себя, как Золушка на балу. О чём они все молчат?

Узик остановился на полянке. Прекрасная полянка, если б она не была так удачно расположена. Вид отсюда действительно открывался чудесный – весь город как на ладони. Наверное, поэтому место явно пользовалось популярностью у местных и не очень гуляк. Повсюду валялись использованные презервативы, стёкла и прочий бытовой мусор. Так и живём, восхищаемся видами и гадим под себя. На душе Соболева было как-то мерзко: и от этого вида, и от текущей ситуации. Мастера смотрели на пасмурный весенний город и не говорили ни слова. О чём тут можно говорить? Пугала неопределённость – самая страшная вещь на свете. Кирилл посмотрел на часы. Оставалось восемь минут.

Тишину можно было резать ножом. Кто-то курил, кто-то мерил шагами замусоренный травяной «плацдарм». Михалыч стоял поодаль, облокотившись на кабину автомобиля.

– Минута! – пролетело кем-то брошенное в воздух тревожное оповещение.

Соболев посмотрел на часы.

Триггеры, не сговариваясь, повернулись в сторону завода и как по команде замерли, превратившись на эти секунды в восковые фигуры. А завод стоял как ни в чём не бывало. Лёгкой дымкой смога был окутан первый этаж, слегка искажая бирюзовый цвет стен завода. Секунды тягучими каплями тащили время.

– Твою мать! Соболев! – Гневный вопль Заура заставил всех вздрогнуть.

Триггеры стали оборачиваться на Кирилла. Что? Почему? Что он сделал?

– Да выключи их уже, – попросил Стас.

– Мои часы! – понял Соболев. Ну конечно, он же поставил на таймер, вот они и запищали. Кирилл иногда их не слышал – привык к этому звуку. Знал, что такое бывает: мозг отфильтровывает знакомые звуки, смешивая их с общим фоном. Всё равно что не слышать часы с боем, если долго с ними живёшь.

– А всё, – сказал он, – время.

Все снова повернулись к заводу. «Химик» стоял нерушимо, спокойно продолжая коптить небо вредными выбросами.

– А может, мы не видим, – предположил Стас. – Там, может, внутри пожар уже начался.

– Не может, – прохрипел Михалыч, – сирена бы сработала.

Кирилл, точно время?

– Уже минуты три, как время.

– Ну, значит, всё. Баста, пацанва, фейерверка не будет. Поехали.

Михалыч первый залез в машину, остальные потянулись за ним. Кое-кто ещё оглядывался на завод, прежде чем пробраться в салон. И Соболев оглянулся. Странно было смотреть на будущее, которого не случилось.

Глава 3

– Долго ещё вы нас здесь держать собираетесь? Мой Адольфик совсем замёрз.

– Кто замёрз? – не понял Соболев.

– Адольфик. – Женщина показала на сумку для транспортировки животных.

Адольфик оказался милым дымчатым котиком, жалобно выглядывающим сквозь решётки сумки. Вёл себя тихо, мирно, не зиговал, на Францию нападать не собирался.

– Ещё какое-то время придётся подождать, – сказал Соболев, переводя взгляд на серую пятиэтажку, – а вы сходите, что ли, в магазин, погрейтесь.

На улице и впрямь подмораживало, и по-человечески людей, которые выскочили на улицу наспех одетыми, было просто жалко.

Кирилл оглянулся на заставленный машинами двор. Счастливые обладатели собственного авто грелись в уютных салонах, группа мужчин оккупировала беседку и, похоже, собиралась устроить чемпионат по шахматам. Примостившись на поваленном дереве, Оксана ковырялась с ноутбуком, спрятав озябшие кисти рук в рукава кофты. Водитель Толик откровенно скучал рядом с ней. Во время эвакуации жильцов он активно помогал: тащил сумки, подбадривал старушек и натягивал заграждение вокруг дома. Но уже

второй час ему нечего было делать.

– Послушайте, молодой человек, – подошёл к Соболеву один из жильцов, мужчина лет сорока, – я сам работаю в полиции. Так не делается. Если что-то случится в одной из квартир, то нет никакой необходимости выселять весь дом.

– К сожалению, это необходимо, – спокойно ответил Соболев. – Есть информация по разрушению несущей стены, и мы не знаем, как это может сказаться на остальных частях дома. Может, только в этой квартире и будет локализовано разрушение, а может, всё здание рухнет.

– Это чушь, – не поверил жилец. – Я столько раз ездил на вызовы, когда несущие стены самовольно ломали во время ремонта. Ничего нигде не рушилось.

Это было справедливое замечание. Действительно, могло и не рухнуть. Более того, квартира была не угловая, на верхнем этаже. По подсчётам Соболева, на всём доме это разрушение не должно было отразиться. Но, во-первых, есть инструкция, которую нельзя нарушить, а во-вторых, ошибка могла стоить человеческой жизни. И не одной. Зачем же рисковать? Поэтому триггер очень спокойно стал объяснять возмущённому гражданину, зачем это надо и что может случиться, если не эвакуировать дом полностью.

К разговору прислушивались другие жильцы, а Кирилл говорил нарочито громко, чтобы им было легче прислушаться. Повторять одну и ту же тираду каждому недовольному, а недовольными здесь были почти все, ему не хотелось.

Так хоть сразу отпадали вопросы.

Толик отлип от не желающей отрываться от своего компа стажёрки и подошёл к Соболеву, и это было вовремя. Тот уже еле сдерживался, чтобы не начать грубить мужику, который своими вопросами стал поднимать градус общения. Понятно, что все устали ждать и замёрзли. Да и к триггерам в народе отношение не очень, ведь если они появляются, то в основном разрушают. Ну, по крайней мере, в видимом спектре своей работы. Но допускать ругань и спонтанные действия нельзя было никак. Поэтому, когда Толик отозвал Кирилла в сторону, тот радостно согласился.

– Слышь, Кирюх, – сказал Толик, поглядывая в сторону – верный признак, хочет о чём-то попросить, – что-то долго ничего не происходит.

– Не сыпь мне соль. По прикидкам разрушение должно было начаться ещё час назад. Может, оно началось, но просто мы его не видим. Какая-нибудь трещина ползёт незаметно.

– Так и что? – Толик опять посмотрел в сторону. – Думаешь, долго ещё она ползти-то будет, трещина эта?

– Я не знаю, – пожал плечами Соболев.

– Слушай, ну за сверхурочные нам никто не платит же. А смена наша уже того – кончилась.

– Ну, я никак уйти не могу. Я объект взял, надо довести до конца.

– И когда этот конец уже наступит? – Толик явно подсту-

пался к главному. — Там матч сегодня, наши со столичными играют.

— Ты ехать хочешь? — наконец понял Соболев. — Да, конечно, езжай. Я потом сам доберусь домой. Мне тут рядом, пешком можно за полчаса дойти. Оксанку только добрось, ладно?

— Без вопросов, — обрадовался водитель. — Тебе какие-нибудь вещи оставить?

— Не, не надо. У меня всё есть, — показал Кирилл на телефон.

— Ну, тогда я поехал.

— Давай. — Соболев пожал Толикову лапу. И тот радостно потрусил в сторону.

Вот так, да. У кого-то трагедия, может лишиться дома. А у кого-то футбол. Важность события по теории Маслоу.

Соболев взглядом проводил водителя до лавочки, где сидела Оксана. Толик тронул её за плечо, по-другому обратить на себя внимание из-за наушников в её ушах не получилось бы. Сейчас сообщит ей радостную новость, и они счастливо поедут домой, в тепло и уют. Кирилл безрадостно оглядел жильцов и снова поднял голову к верхнему этажу. Может случиться одна из тех прекрасных вещей, когда ты уже отчаялся, что событие произойдёт, а оно вдруг берёт и происходит. Но дом стоял спокойно, отражая на Соболева сквозь окна недоверчивые взгляды жильцов.

— Стрёмный вайб, — услышал он голос Оксаны за спиной, —

а было раньше, чтобы не случилось?

– Нет, – ответил Кирилл. – А чего ты не поехала домой? Я же отпустил вас.

– Да, – девушка пожала плечами, – что там делать? Да и ивейтить, когда на тебя столько пипла агриться, зашквар. К тому же мне полезно прокачать свой скилл.

Соболев был рад, что она осталась. Одному ему и правда было бы непросто. Не то чтобы он не справился, но поддержка всегда кстати.

– Какая квартира? – спросила Оксана, разглядывая дом.

– А вон та, – показал Соболев на последний этаж, – стена должна поползти внешняя.

– Какая-то шляпа, – рассматривая окна квартиры, произнесла стажёрка.

– Я и сам ничего не понимаю. По датчикам она давно должна была... Осторожней!

Раздался треск. Высоченная берёза – одно из немногих оставшихся во дворе деревьев, с громким хрустом накренилась в сторону дома. Жильцы с криком стали разбегаться в разные стороны, из ближайших авто выскочили люди. Дерево раскачивалось на ветру, словно решая, в какую сторону лучше упасть. Соболев замер, наблюдая за нерешимостью этого исполина, и лишь чувствовал, как в его куртку вцепились пальцы Оксаны. Ветер шатал берёзу, но триггер уже знал, куда она должна упасть, и не суетился. Наконец, под аккомпанемент протяжного скрипа, берёза рухнула на

дом. Удар дерева о кирпичную кладку сопровождался звуком, больше похожим на взрыв. На землю полетели осколки, посыпались обломки кирпичей.

– И как это можно было прочесть? – отпуская куртку Соболева, спросила Оксана.

– Кто бы мне объяснил, – ответил тот, разглядывая последствия происшествия.

Дерево рухнуло точно на ту квартиру, в которой должна быть разрушена стена. И повреждения навскидку были соответствующие. Как можно было предугадать падение дерева? Надо осмыслить. Но время не позволяло. Необходимо было оценить повреждения и соблюсти протокольные мероприятия.

– Поможешь мне? – попросил Соболев Оксану. – Тут надо отчёт на месте составить.

– Без бэ, – кивнула девушка, – а что нацарапать в причинах трабла?

– Ну... – Кирилл знал, что никто не примет в отчёте настоящую причину. – Так и пиши...

Задумавшись на секунду, он неуверенно показал на дерево:

– Внешний фактор.

Дальше начались обычные хлопоты. Надо было позвонить до конторы, сообщить о происшествии. Потом вызвать городские службы, полицию, скорую помощь и пожарных. И хоть ни возгорания, ни жертв не было, вызывать всю

эту карусель предписывали правила. А самая главная работа триггера в промежутке между случившимся и приездом всего этого спасательного отряда было удерживать толпу от необдуманных действий. После падения дерева, когда люди немного пришли в себя и почувствовали, что они в безопасности, тут же включился рефлекс собственника, и все ринулись в сторону дома, проверять свои квартиры и вещи. Пришлось импровизировать.

– Стоять! – крикнул Соболев, когда первый человек – тот самый мужчина, который говорил, что работает в органах, полез под ленту ограждения. – Ещё ничего не кончилось. Сейчас может быть взрыв газа и разрушение всей несущей конструкции дома.

Мужчина недоверчиво посмотрел на триггера, потом на дом, но всё же решил вернуться за ограждение.

– Никто не приближается, пока не приедут городские службы и всё не проверят, – продолжал Соболев на пределе своих связей.

– Кирилл, – подойдя к Соболеву вплотную, зашептала Оксана. – Я тебе ору – там всё. Рандом случился, ничего не будет.

– Тсс, мелочь, – грозно сдвинув брови, шёпотом предостерег Соболев стажёрку, – им это знать не обязательно. Самые страшные ситуации происходят как раз из-за человеческого фактора, потому что он непрогнозируемый. Сейчас вынут какой-нибудь кирпич, и адъёс целый дом.

– Лол, типа дерево можно было прочесть, – недовольно проворчала Оксана.

– Видимо, как-то можно было. – Соболев перевёл взгляд за спину девушки, туда, где торчал зубастыми щепками новенький пенёк. Подумалось, что, если его обстругать, можно будет поставить здесь лавочку или столик. А дерево скоро будет распилено на дрова. И это будут прекрасные дрова из берёзы. Из таких можно растопить мангал и сделать прекрасные шашлычки. И вот тут же, у этого пня, организовать пикничок.

– С утра мотаемся, – встряхнулся Кирилл и посмотрел на часы, – скоро уже темнеть начнёт, а мы даже не перекусили.

– Тут рядом зачётная пицца есть, – подала идею Оксана. – Го туда. Я тоже как волк. Слона бы схомячила.

– Жуткое зрелище, – усмехнулся Соболев, – волк, поедающий слона.

Вкусовые ассоциации заставляли истекать слюной ещё час, пока городские службы не торопясь съезжались к злополучному дому. Заместитель префекта со скучающим видом выслушал доклад, подписал отчёт и наконец отпустил.

Ближайшая пиццерия оказалась всего в двух кварталах от рабочего объекта. Соболев взял себе гавайскую пиццу с ананасом и курицей, Оксана – с морепродуктами.

– Кирилл, тема, – Доев свой кусок пиццы, стажёрка вскинула на наставника любопытные глаза, – а почему мы не фик-

сим траблы? Ведь мы типа в курсе: где и когда жахнет. К чему этот трэш со шмотками, если можем тормознуть всё?

– Не можем, – прожевывая свой кусок, ответил Соболев. – Я тебе по-научному не объясню, но что-то нам говорили. Если должно произойти – произойдёт.

– Закон Мёрфи? – усмехнулась стажёрка.

– Вроде того, – кивнул Соболев. – Я сам про это думал. Даже пытался литературку на эту тему почитать. Но там так всё мудрёно и заумно написано, что я и не смог разобраться.

– Как вы, олды тянете тогда это? Такая фича, и тебя не прёт?

– Как тебе сказать. Интересно. Но, знаешь, если ломиться в эту стену бесконечно, то можно и лоб расшибить. А пользоваться инструкцией можно и так. Пользуемся же мы электричеством, не заморачиваясь, откуда оно берётся. Что-то знаем, что это как-то связано с атомом на начальном этапе и движением электронов в проводах. И что? Это разве нам мешает смотреть телевизор или кипятить воду в чайнике? Нет. Так и здесь. Я знаю свою часть работы и знаю, что пожары надо тушить, стены укреплять или ломать, если невозможно укрепить. Знаю, что иногда можно просто открыть форточку и спасти кучу людей от взрыва газа. Нам подарили эту возможность, так зачем ей в зубы заглядывать? Она и так хороша.

– Камон, так с форточкой всё равно бахнет.

– Да, – кивнул Соболев, – но взрыв будет совсем другой

силы. И уж, конечно, последствия будут несопоставимы.

– Но это же кринж! – возмутилась Оксана. – Это всё равно, что ехать «по приборам»? Вы юзаете технику и не сечёте в сути её работы.

– Почему же? Это просто мастера вроде меня не заморачиваются. А есть специальные люди, которые приставлены к суперкомпьютеру, куда стекается вся отчётность. Они-то знают много. Но вот локализовать все проблемы можно только на местах. Так что мы делим эту почётную обязанность. Триггеры у компьютера разбираются в отчётах и программе, а триггеры «на земле», может, и не очень разбираются в отчётах, но как раз и делают всю основную работу.

Оксана задумалась, откинувшись на спинку пластикового стула.

– Ты гонишь, Кирилл, – сказала она, улыбнувшись. – Походу, ты спецом строишь из себя нуба, которому до звезды эта тема. Но рили тебе и самому бы хотелось все прочекать. Просто не знаешь, как подступиться.

– Такая прозорливая, – усмехнулся Соболев, – куда бежать?

– Лол, я угадала, – обрадовалась стажёрка, – полюбасу ты тоже не в теме, но тебе дико интересно.

– Да что тут интересного? Каждый день рутина.

– Да, – заговорила быстро Оксана, – для тебя это рутина. И ты даже не в курсе, какой факап вокруг творится. Сегодня, с деревом. Вот скажи мне, как можно было прочекать

рандомное падение дерева? А? Сдаёшься? Потому что никак. И с другими темами. Почему не все катастрофы можно прочесть? Почему, имея такой, как ты говоришь, чудесный дар, мы до сих пор теряем людей в авариях на транспорте? Почему продолжают бахать дома? Почему происходят прочие ситуации, если мы такие всемогущие? И почему мы не предотвращаем их, если точно знаем, что и где произойдёт? Нет, я, может, и нуб, и не понимаю всего. Но я ору: это криповая тема.

– Да уж, – усмехнулся Соболев, – а ты ведь давно об этом думаешь. Вряд ли тебе эти вопросы пришли в голову за пару месяцев стажёрства. Но всё можно объяснить. Я же говорю, есть умные ребята наверху. Они могут. И дерево наверняка по какой-нибудь статистике, заложенной в программе датчиков, рухнуло. И дома продолжают гореть, потому что вечная наша безалаберность и коррупция. Что, мало дураков, которые пустые коробочки вместо датчиков лепят, лишь бы пройти проверку? А в квартирах и вовсе люди на это забивают. Ну что я тебе объясняю, ты и сама это знаешь. За датчик же надо платить. А его установка в квартирах добровольна. Люди экономят пятьсот рублей в месяц. На своей жизни, правда, но экономят. А по поводу того, почему не предотвращаем, этого я и правда не знаю. Если ты пришла, чтобы на эти вопросы ответить, тебе надо было в академию ГО и ЧС поступать. Там на триггерском факультете всё это объясняют.

– Ничего там не объясняют, – задумчиво проговорила Оксана. – У меня фрэнды там учатся. Я после шараги хотела поступать, а потом как узнала, чему их там учат, забила.

– Чему же?

– А тому же, что и тебя в техникуме, и меня. Простым операциям и готовым решениям. Без объяснений. Мой бывший краш всё-таки решил докопаться до этого кода программы. Читер от бога. Так он только полез в программу, чтобы от источника начать, как его тут же вызвали на ковёр к проректору и недвусмысленно предложили заниматься своим делом. И сказали, что если он хочет работать с кодами и отчётами, то для этого должен пройти комиссию в оборонке и получить допуск.

– И что?

– И ничего. Нет у меня больше краша. Получил допуск и пропал со всех радаров. Не общается, сменил все контакты.словно в секту какую-то их там вербуют.

– А-а! – Соболев хлопнул себя ладонью по лбу. – Так вот чего ты в триггеры попёрлась. Ты любимого своего хочешь найти!

– Нет. – Глаза стажёрки были грустны и серьёзны. – Нет краша. Больше. И найти я его не хочу. Я сразу его выпасла, со всеми его ламерскими шифровками. Я понять хочу. Понимаешь, Кирилл, понять.

Оксана вытерла салфеткой руки и встала.

– Чао, – махнула она рукой и покинула пиццерию, остав-

для Соболева наедине с недопитой колой.

– Увидимся, – задумчиво кивнул сам себе Соболев.

Ему надо было ещё заскочить на работу, чтобы составить отчёт о сегодняшнем происшествии. Но уходить из уютной пиццерии не хотелось. Здесь чувствовались какое-то спокойствие и безмятежность. Редкие посетители мирно разговаривали или возились со своими смартфонами, на висящей под потолком плазме транслировались музыкальные клипы, и вкусно пахло выпечкой и сыром. Такая простая жизнь: клипы, игры, фастфуд. Почему он сам не стал докапываться до программы? Почему не лезет с расспросами к начальству? И почему не пытается понять всё про триггерскую службу? Потому что так проще. Вот так вот, на удобном стуле, в приятной атмосфере...

«...Мы прерываем программу «Хиты девяностых» специальным выпуском новостей... В результате пожара в больнице... были не вовремя приняты меры... пострадало... погибло пятьдесят шесть человек...»

Посидел, блин, в приятной атмосфере. Соболев поднялся со стула, взял поднос и направился к выходу. Поднос он поставил на стойку, хотя это было не обязательно, и вышел на улицу.

Он понять не мог, как может в мире, где известно каждое происшествие, происходить такое. Погибло пятьдесят шесть человек. Из-за чего? Кто-то не проверил датчики? Или они не были установлены должным образом? Но почему из-за та-

кой нелепости погибает столько народу? Это ведь не просто цифра – «пятьдесят шесть». Это как два класса учеников или как подъезд пятиэтажного дома. И вообще, неправильно людей считать цифрами. Их надо поимённо называть. Чтобы было понятно, что погибло не пятьдесят шесть «штук», а погибли: Петров Иван Терентьевич, Игнатов Александр Львович, Миронова Ирина Михайловна... Чтобы было понятно, что скрывается за этими цифрами. Что там жизнь за каждой единицей. За каждой «штукой» – свой Соболев. Пятьдесят шесть Соболевых...

Глава 4

Соболев не любил ночные смены. Не потому, что он не высыпался или это как-то нарушало его график. Наоборот, ему нравились ночь, фонари, прохлада спящего города. Но вот работать ночью было ужасно. Именно в это время случались все самые опасные ситуации, встречались самые неприятные и невменяемые люди.

Но больше ночных смен Соболев не любил разговоры с начальством. Как раз перед началом смены его опять пригласил к себе Валерий Игоревич на «откровенный разговор».

– Мне кажется, ты здесь самый адекватный, – начал с похвалы директор. – Я вообще хотел бы работать только с такими, как ты, – молодыми, спокойными, смелыми.

– Спасибо, – осторожно ответил на похвалу Соболев. Ему не нравилось начало разговора.

– Но у тебя есть один большой недостаток, Кирилл.

– Да?

– Да. – Валерий Игоревич встал из-за стола и прошёлся по кабинету, как он часто делал, когда разглагольствовал на летучках.

– Ты инициативный. Про продвижение в старшие мастера мы уже говорили. Но ты мог бы даже моё место занять, если бы хотя бы подумал в эту сторону. Чего, собственно, тебе не хватает? «Вышки»? Ну так тебя по льготам в профиль-

ный вуз запросто возьмут. Отучился бы уже давно на заочке и был бы начальником.

– Не все хотят быть начальниками, – заметил Соболев, которому порядком наскучили повторяющиеся нотации.

– Не все, – согласился директор. – Есть ещё безынициативные и ленивые люди, которым важно задницу пристроить на мягкий диван, и чтобы пиво было не очень дорого. Но ты же не такой, Кирилл, тебе же не всё равно. Я понимаю, тебе нравится драйв работы, адреналин. Нравится чувствовать себя героем. Но ещё лет пять-шесть, и начнут болеть суставы от этих прыжков по подвалам и крышам, начнётся аритмия от стресса и окончательно испортится характер от общения с населением. В конечном итоге тебе перестанет нравиться твоя работа. А двигаться куда-то вверх тебе не захочется в силу возраста. Да и безразлично тебе уже будет любое движение. Ты будешь, как Михалыч – бухать, ворчать и отлынивать от работы. Я, кстати, не собираюсь его дальше терпеть и подумываю кем-нибудь заменить.

– Ах, вот вы о чём, – понял наконец Соболев. – Хотите, чтобы я место Михалыча занял?

– А почему нет? – Валерий Игоревич взял свой стул и поставил его рядом со стулом Соболева, чтобы оказаться ближе к мастеру. – Это первый шаг по твоей карьерной лестнице. Пойдёшь учиться, отработаешь годик старшим мастером, потом ко мне в замы. И никаких ночных смен, грязных костюмов и опасных для жизни кульбитов. А главное, совсем

другой статус и зарплата. Я тебе скажу, ваш Михалыч совершенно незаслуженно получает вдвое больше твоего.

– И когда вы планируете от него избавиться? – Соболев смотрел на свои руки. Смотреть на начальника он не мог.

– От Михалыча-то? Да скоро. Ещё раз увижу его на работе бухим и попрошу. Ты не переживай за него. Он уже лет пять, как на пенсии должен быть по выслуге лет. Ты о себе подумай. Я ведь тебя не просто так продвигаю. Мне сейчас нужны свои люди.

– А с чего вы решили, что я «ваш»? – удивился Соболев.

– А ты ничей, – усмехнулся директор, – этим ты мне и нравишься, Кирилл. Ты не бухаешь с коллегами после смены, не подстраиваешь своё расписание, чтобы попасть с приятелями в одну смену. При этом тебя все уважают. И ведь есть за что. Но ты почему-то не хочешь реализовывать свой потенциал.

– Знаете, Валерий Игоревич, – начал, поднимаясь со стула, Соболев, – вы всё правильно говорите. Я вижу, что всё реально. Мы с вами почти ровесники, но вы уже директор, а я простой мастер. Но вам не кажется, что каждый сам выбирает, где ему лучше? Может, мне как раз не хочется всех этих ответственностей и нервов. Может, мне проще на земле! И да, скорее всего, это всё со временем надоест, но это мой выбор.

– Ты не торопись, – спокойно прервал Соболева начальник, – ты подумай. Ты сейчас сгоряча наговоришь всякого,

потом будешь жалеть. А я тебе реальный шанс предлагаю. Шанс что-то изменить в своей жизни. Просто подумай. Вре-
мя пока есть.

Соболев мотнул головой, вроде кивнул, и понимай как хо-
чешь, и вышел из кабинета. Начинаясь его смена, а застав-
лять ждать коллег было невежливо. Тем более что те, похо-
же, собрались действительно после работы посидеть где-ни-
будь в тёплом месте, судя по их возбужденному состоянию
и «алкогольным» шуткам. Слушая их, Кирилл с грустью ду-
мал о том, что начальник не так уж и неправ.

Соболев действительно не выбирал, с кем работать, поэто-
му ему в напарники ставили всё время разных людей. Этой
ночью ему, как назло, достался старший мастер. У Кирилла
даже возникла мысль, что начальник специально как-то так
переиграл расписание, чтобы наглядно продемонстрировать
ему правоту своих умозаключений. На эту мысль наталкива-
ло и то, что Михалыч, обычно старающийся сдерживать себя
на время работы, пришёл на смену сильно выпившим. Что
и так к непростому дежурству добавляло лишних проблем.
Радовало одно: несмотря на время работы, на смену с Собо-
левым пришла и стажёрка. И хоть, как выяснилось, у неё бы-
ли свои мотивы, он был рад её присутствию.

– Вызов! – Задремавший было Соболев услышал голос
Оксаны.

Он повернул голову в сторону главного монитора. Дей-
ствительно, где-то в центре города сработал датчик. Кирилл

открыл окно с адресами клиентов.

– Ого, – сказал он, – магазин. Оксан, пробей, он ночью работает? И если нет, то найди телефон директора.

– Ща.

Оксана погрузилась в свой ноутбук и начала быстро клацать по клавишам.

Соболев посмотрел на Михалыча. Старый мастер спал на кресле, откинув голову назад. Странно, но он почти не храпел в этой позе, что, конечно, никак не влияло на жуткий запах перегара, который его глотка выбрасывала фонтаном в комнату.

– Есть, – отозвалась Оксана, – маркет «Поле», круглосуточный.

– Отлично. – Соболев поднялся с кресла. – Давай, буди Михалыча, а я пока машину прогрею.

– Кринж, – презрительно оглядывая пьяное тело, сказала Оксана. – Сами скоренько прочекаем, олдфаг и не заметит.

– Ага, а потом наш молодой босс захочет проверить нас. И знаешь, что будет?

– Его закенселят, – ответила стажёрка, нехотя приближаясь к спящему Михалычу.

– Именно, – подтвердил Соболев, – и я не хочу брать это на себя. Придётся нам его потерпеть.

– Но это же зашквар! – возмутилась Оксана. – Камон, почему мы должны его терпеть? Если он не хочет работать, пусть катиться и ищет...

Речь стажёрки прервал раскатистый грудной кашель Михалыча. Похоже, он проснулся от её звонкого голоса. Старый мастер, откашлявшись, потёр ладонью морщинистое лицо и недоумённо уставился на Соболева.

– Что, – хрипло спросил он, – ситуация?

– Да, – ответил Кирилл, – собирайтесь. Я на улице машину грею. Оксан, возьми обычный набор.

Заведя старую «буханку», Соболев закурил. Автоматически включилась магнитола, оставленная водителем на «Милицейской волне». Кириллу не очень нравился репертуар этой радиостанции, и он автоматически крутанул ручку настройки. Через шипение волн зазвучала приятная лёгкая музыка, которая, к сожалению Соболева, быстро кончилась, передав эстафету «пятиминутному выпуску новостей». Кирилл усмехнулся заставке, в которой сообщалось, что «мы делаем новости», и хотел уже выключить, но первая новость заставила его руку замереть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.